

УДК 821.161.1.09Чехов А.П.  
ББК 83.3(2=411.2)53-8Чехов А.П.  
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-4-502-511

В.С. ЗАЙЦЕВ

## ДЛЯ КОГО ПИСАЛ А.П. ЧЕХОВ? ИСТИННОЕ И ЛОЖНОЕ В АКТУАЛИЗАЦИИ КЛАССИКИ

*Освоить духовный мир чужой эпохи филология может лишь после того, как она честно примет к сведению отдаленность этого мира, его внутренние законы, его бытие внутри самого себя.*

С.С. Аверинцев. Похвальное слово филологии

---

---

**Виктор Сергеевич Зайцев,**

Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля,  
Дом-музей А.П. Чехова,  
ведущий научный сотрудник  
Трубниковский пер., д. 17, стр. 1,  
Москва, 121069, Россия

кандидат культурологии

E-mail: vik.zaytsev2014@yandex.ru

---

---

**Реферат.** Представление об актуальности классической литературы и ее адекватности современным идеологическим запросам давно и прочно укоренилось как в массовом, так и в научном сознании. Насколько это представление точно? Не навязывают ли современные

интерпретаторы классическим произведениям те смыслы, которых тексты объективно не содержат? Методологически продуктивными будут отрицательные ответы на поставленные вопросы. Научная трактовка предполагает осознание социокультурной и языковой дистанции между исследователем и объектом изучения. Следствием нарушения этой дистанции является разбираемая в статье ложная актуализация, ведущая к абберациям восприятия и анализа текстов классической литературы вообще и чеховского наследия (рассмотренного в качестве показательного иллюстративного материала) в частности. Актуализация является своего рода предварительной концепцией, предшествующей трактовке текста. Разбор интерпретаций чеховского мировоззрения и творчества (осуществленный М.М. Дуна-

евым, В.Д. Днепровым, Д.Л. Быковым) демонстрирует неадекватность результатов подобных трактовок. Характерно, что М.М. Дунаев и В.Д. Днепров, доказывая диаметрально противоположные точки зрения (о православном и атеистическом характере чеховского творчества), оперируют схожим набором научно некорректных допущений: вырванными из контекста цитатами, неразличением автора и рассказчика и т. п. Кроме того, с утверждениями о созвучии чеховского творчества культурному контексту конца XX — начала XXI в. диссонирует сложная история реальных взаимоотношений писателя с читающей публикой его времени. Существует много доказательств того, что А.П. Чехов как минимум дважды переживал в жизни чувство потери связи с читателем-современником. Это подтверждается письмами и воспоминаниями очевидцев соответствующих периодов (конца 1880-х и начала 1900-х гг.). Кризисы свидетельствуют о сознательной ориентации писателя на запросы читателей-современников. А.П. Чехов писал для людей эпохи, язык которой необходимо изучать современным читателям и интерпретаторам. Это единственное условие адекватности трактовок, несоблюдение которого и приводит к ошибочной актуализации классического наследия.

**Ключевые слова:** А.П. Чехов, рецепция, классическая литература, интерпретация, ложная актуализация.

**Для цитирования:** Зайцев В.С. Для кого писал А.П. Чехов? Истинное и ложное в актуализации классики // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 4. С. 502–511. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-502-511.

**Р**оссийский литературовед, филолог-классик М.Л. Гаспаров в статье «Филология как нравственность» пишет о необходимости уточнения «рубежа между творчеством писателей и сотворчеством их читателей и исследователей», когда речь идет об интерпретации текста. Частным случаем такого сотворчества для М.Л. Гаспарова была критика, о которой в другой заметке сказано, что это «не

наука о литературе, а литература о литературе» [1, с. 100, 110]. Принципиально эти положения не новы. В разное время о похожих разграничениях между научным и ненаучным пониманиями текста писали формалисты и структуралисты Г.О. Винокур, Б.И. Ярхо и Р.О. Якобсон. Постструктурализм произвел ревизию интерпретационного инструментария литературоведения, возведя, по справедливому замечанию А.Д. Степанова, «эссеизм [т. е. “критику” в гаспаровской терминологии] в ранг нормы научного письма» [2, с. 29]. Примерам методологических последствий неразличения науки о литературе и «литературы о литературе» — без претензий на новое прочтение иллюстративного литературного материала — посвящена данная работа.

Для М.Л. Гаспарова отправной точкой научного подхода к тексту был «простейший вопрос»: для кого написана та или иная книга классика? «Простейший ответ»: не для нас [1, с. 99]. Тезис способен стать маяком при знакомстве со многими проблемами: благодаря чему классическая литература, как нам кажется, отвечает на вопросы, которые волнуют нас сегодня, хотя произведения и написаны десятки лет назад? Есть ли это следствие объективно содержащихся в произведениях потенциалов? Насколько правомерны наши представления о «вечной актуальности» классики, и не навязываем ли мы произведениям смыслы, которых они объективно не содержат? Формулируя основные положения, мы будем в основном обращаться к творчеству А.П. Чехова, подразумевая при этом весь корпус отечественной классической литературы. А иногда и не подразумевая: А.С. Пушкин для неподготовленного современного читателя явление, скорее, «неживое» или мнимо «живое» [3].

Проявлением желания осовременить творчество литературных классиков давно стала формула: «Имярек — наш современник». В.Е. Хализев в этой формуле усматривал «поверхностную риторичность, самодовольную фамильярность, своего рода похлопывание по плечу всемирно прославленных писателей» [4, с. 72]. Примеров можно привести много. Эссе Ю.М. Нагибина «Наш современник — Чехов» начинается с утверждения: «Чехов несомненно самый близкий нам из русских

писателей-классиков» [5, с. 308]; одна из работ В.Д. Днепрова озаглавлена «Достоевский как писатель XX века» [6] и др. На «массовых» уровнях постулат о «современности» часто пользуется спросом в многочисленных юбилейных статьях и газетных материалах (Л.А. Белова «Антон Чехов — наш современник» [7], С. Канноне «Наш современник Антон Чехов» [8], С.М. Халин «Гоголь — наш современник» [9]) и др. Авторы, оперирующие подобными формулами, не смущает их абстрактность. А это свидетельствует о том, что они выражают мысли и чувства реально наличествующие, не пересматриваемые и кажущиеся естественными. Как они формируются и в чем именно ошибочны?

Ошибочны в том, что за аксиому принимается тезис, нуждающийся в доказательствах: действительно ли адекватен конкретной «современности» тот или иной автор, и в каких формах это проявляется. Упомянутое выше читательское сотворчество играет ключевую роль в восприятии литературного произведения, если речь не идет о чтении для научных целей (но, к сожалению, часто и в этом случае — иначе не был бы так популярен диалогический подход). Чем больше расстояние между читателем и эпохой, породившей конкретное произведение, тем выше удельный вес сотворчества и тем меньше — восприимчивость читателя к реально затрагиваемым в произведении проблемам. Получить эстетическое удовольствие от чтения «Божественной комедии» можно, ничего не зная о разногласиях гвельфов и гибеллинов.

«Вненаходимость», о которой писал М.М. Бахтин [10, с. 350–354], — это не залог раскрытия новых смысловых пластов произведения. Это залог навязывания тексту ответов на вопросы, которые актуальны *hic et nunc* (здесь и сейчас). Ощущение, что автор продолжает разговаривать с нами сквозь даль веков, чаще всего иллюзорно. Любое художественное произведение с каждым новым десятилетием становится все более «молчаливым». А то, что мы принимаем за «речь» текста — это наши внутренние монологи, текстом спровоцированные. Имеются в виду не художественные произведения далеких веков. Для утраты понимания многих реалий достаточно считанных

десятилетий. Так, Ю.М. Лотман замечал: «Непосредственное понимание текста “Евгения Онегина” было утрачено уже во второй половине XIX века. <...> Уже пореформенная жизнь плохо помнила быт онегинской эпохи. Что же говорить о современном нам читателе?» [11, с. 11]. Современный читатель в лучшем случае обращается к справочникам и комментариям, но чаще всего механически проецирует собственное мировосприятие на читаемый текст. Актуализация — это неизбежно сотворчество с ориентацией на произведение, но текст из цели превращается в средство. Просто нужно понять, где «заканчивается» текст и «начинается» читатель (даже такой искушенный, как М.М. Бахтин), его мысли и проблемы. Зачастую текст и не «начинается» вовсе, целиком и полностью являясь отправной точкой рефлексии реципиента.

Показательны противоречия, которые испытывал, например, все тот же М.М. Бахтин, чья диалогическая концепция базируется на абсолютизации читательского сотворчества: «Понимать текст так, как его понимал сам автор данного текста. Но понимание может быть и должно быть лучшим. <...> ...понимание восполняет текст: оно активно и носит творческий характер» [10, с. 365–366]. Понимание не может быть «лучшим». Если оно «лучше» и «полнее» авторского — оно перестает с ним соотноситься; здесь буквальность является мерилем релевантности. В этом контексте симптоматична бахтинская трактовка понятия «смысл»: «Смыслами я называю *ответы* на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [10, с. 369]. Об ответах на какие вопросы здесь идет речь — авторские или читательские? И что делать в случае, когда последние не совпадают с первыми? М.М. Бахтин категоричен: «дополнять» автора, «понимать, восполняя», т. е. по гамбургскому счету трансформировать интенции произведения, сообразуя их с нашими духовными нуждами. Итоги могут быть сколь угодно любопытными, но к тексту они не будут иметь никакого отношения.

Несвободны от противоречий и некоторые положения Ю.М. Лотмана. Так, совершенно справедливые выкладки о том, что мы «держим в руках “не того” “Евгения Онегина”, которого знали его первые читатели и сам

автор», и о трудновосстановимости «внетекстовых структур пушкинской поры» [12, с. 488] соседствуют с другими тезисами. Например, «...читатель, уже знакомый с “Анной Карениной”, романами Тургенева и Гончарова, “Возмездием” Блока и “Поэмой без героя” Ахматовой, видит в “Евгении Онегине” потенциально скрытые смыслы, ускользавшие от внимания современников» [11, с. 11]. Текст не меняется, изменились читатели, и знание творчества А.А. Блока или А.А. Ахматовой влияет на читательское восприятие, а не на объективные смысловые характеристики «Онегина», оставшиеся неизменными, но современному читателю незнакомые. Читать «Онегина» в последующих контекстах можно, но это будет областью рецептивной эстетики, т. е. к подлинному пониманию текста такое чтение привести не может, только отдалить.

Необходимо различать объективную смысловую емкость произведения и способность текста к смыслопорождению. Смысловая емкость — это текст «в статике», смыслопорождение — это текст «в динамике», жизнь произведения в последующих культурных контекстах. Первая «величина» конечна, вторая — неограниченна до тех пор, пока произведение находит читателя. Бытование классического произведения в последующих социокультурных контекстах — это в первую очередь смыслопорождение, но необходимо учитывать, что большая часть вычитываемого зачастую имеет к тому или иному тексту косвенное отношение. Для современных читателей-зрителей «Вишневого сада» это пьеса об утрате абстрактного прошлого, о смене эпох и т. д. и т. п., но все эти ассоциации часто далеки от конкретных бытовых, исторических реалий пьесы. Немногие сегодня могут понять разницу между Ермолаем Лопухиным и другими купцами А.Н. Островского, а она принципиальна<sup>1</sup>. Нет ничего в нашем жизненном опыте, что можно соотнести с опытом Константина Треплева, Нины Заречной или Любви Раневской. Совершенно справедливо об этом пишет Л.Е. Бушканец: «Чехов был теснейшим обра-

зом связан со своим временем. С одной стороны, теперь Чехов стал для нас “всемирным” и вненациональным писателем, раскрылись и раскроются многие философские глубины его произведений. С другой стороны, мы многое потеряли — потеряли понимание того, что Чехов и его читатель, переживая свое время, звучали в унисон, понимание, на какие болезненные для времени начала откликнулся Чехов. Незнание это опасно, во-первых, для наших интерпретаций Чехова — исследователь получает возможность навязывать ему любые смыслы. Во-вторых, опасно и для читателя, который начинает видеть в Чехове просто пожилого человека в пенсне и с палочкой с портретов в школьных кабинетах литературы...» [13, с. 750–751].

Обратимся к конкретным примерам потери чувства дистанции между социокультурными контекстами. У Д.Л. Быкова опубликована статья «Два Чехова». Автор дает спорную дефиницию пошлости, а из нее выводит специфику чеховского абсурда, пронизывающего якобы даже поздние произведения писателя. При этом отобраны формально подходящие тексты, и не сказано о не вписывающихся в концепцию «Мужиках» и «Архиерее» (последний в статье упомянут в ином контексте), а к «поздним» произведениям причислены «Палата № 6» и «Черный монах» (1892 и 1894 гг. соответственно). После чего следует вывод о связи с чеховской традицией творчества В.О. Пелевина. Последний назван одним из «самых талантливых и прямых последователей Чехова». Концепция любопытная, но ее смысловое зерно базируется на ненадежном фундаменте. Определение пошлости, данное Д.Л. Быковым: «Пошлость — все, что человек делает ради самоуважения или чужого восхищения, все, что делается для соответствия образцу, а не по внутреннему побуждению. Когда все цели иллюзорны, а методы скомпрометированы, человеку остается одна задача — самоутвердиться в собственных или чужих глазах» [14, с. 189]. Сравним это с определением слова «пошлый» из словаря В.И. Даля: «...избитый, общеизвестный и надокучивший; вышедший из обычая; неприличный, почитаемый грубым, простым, низким, подлым, площадным; вульгарный, тривиальный» [15, с. 491]. Словарь В.И. Даля

<sup>1</sup> Примером своего рода «злободневной» рецепции, маскирующейся под литературоведение, служат лекции по чеховским произведениям Д.Л. Быкова. «Реальный» А.П. Чехов и его тексты часто не выдерживают напора быковских концепций и с трудом с ними соотносятся.

не является нормативным, но дает представление о круге ассоциаций, связанных со словом «пошлость» во второй половине XIX века. И этот круг далек от неконкретной трактовки Д.Л. Быкова. А.П. Чехов в произведениях употреблял слово не очень часто: 54 раза в 32 произведениях; «пошляк» и «пошлый» употреблены суммарно 71 раз в 48 произведениях [16, с. 203, 409].

Сам факт употребления того или иного слова мало говорит о семантике, которая может быть сугубо «авторской». Однако в одном из чеховских произведений есть отрывок, дающий представление о смыслах «пошлости», которые для А.П. Чехова были доминирующими. Это хрестоматийный финал «Учителя словесности»: «Где я, боже мой? Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости...» (С., т. 8, с. 332)<sup>2</sup>. Основной смысловой фокус здесь — на бытовых, мещанских началах, и соотносить эту конкретику с быковской абстракцией довольно сложно. При этом в ранних рассказах слово лишено той идейной нагрузки, которая наблюдается в «Учителе словесности» или «Палате № 6»: «пошлость» «осколочного» периода — не «пошлость» периодов мелеховского и ялтинского.

Тот факт, что мы вынуждены уточнять значение отдельных, на первый взгляд совершенно понятных нам слов (осознавая в процессе уточнений, насколько это проблематично), во многом девальвирует представления о современном звучании чеховской прозы. Как отмечает Л.Е. Бушканец, «читателю 1890-х гг. не нужно было объяснять, что такое “пошлость”, против которой восстают чеховские герои» [13, с. 18].

Деструктивность любых предварительных установок (актуализация принадлежит к установкам такого рода) ярко подтверждается и негаснущей полемикой вокруг про-

блемы «Чехов и вера». Не вдаваясь в нюансы этого сложного вопроса, остановимся на двух характерных примерах: посвященной А.П. Чехову главе из книги М.М. Дунаева «Вера в горниле сомнений» и статье В.Д. Днепрова «Об атеизме Чехова». Трактовки исследователей, как нетрудно понять по заглавиям, противоположны. М.М. Дунаев рассматривает А.П. Чехова как «православного по духу писателя» [17, с. 664]. По мнению В.Д. Днепрова, писатель «переломил религиозную направленность в искусстве Достоевского и Толстого и возвратил русскую литературу к атеистической основе» [6, с. 65]. Решение проблемы, видимо, не может быть сведено к однозначным формулировкам, вследствие чего обе работы содержат схожий набор методических недочетов: недоказуемые тезисы, вырванные из контекста цитаты, неразличение автора и рассказчика там, где иллюстративный материал черпается в художественных произведениях. Приведем подборку примеров по указанным пунктам (фактически недочетов больше, но нет необходимости разбирать их подробнее).

**1. Недоказуемые тезисы.** У М.М. Дунаева: «А что конкретно говорил Чехов о своей “вере”? Вот что он писал Суворину 27 марта 1894 года: “Я с детства уверовал в прогресс и не мог не уверовать, так как разница между временем, когда меня драли, и временем, когда перестали драть, была страшная”. Воспринимать эти слова слишком всерьез — странно. Делать из них вывод, будто веру в Бога Чехов заменяет верой в прогресс — странно в еще большей мере. Чехов вовсе не пренебрегал прогрессом материальным, он прекрасно сознавал все дурные сопутствующие следствия самодовлеющего прогресса» [17, с. 586]. В.Д. Днепров эту же цитату комментирует так: «Против морализма Чехов ставит гуманизм, против религии — культуру, против идеи бога — идею разума, против вечных истин — жизненный опыт» [6, с. 66]. Здесь ошибка в том, что положения, которые необходимо доказывать, фактически берутся как исходные предпосылки, нуждающиеся исключительно в иллюстрациях из произведений или эпистолярного блока (подбираемых и трактуемых выборочно и произвольно).

<sup>2</sup> Здесь и далее цитаты из чеховских произведений и писем даются по академическому собранию сочинений (Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Москва : Наука, 1973–1984) с указанием в круглых скобках шифра серии (С. — сочинения, П. — письма), номера тома и номера страницы.

## 2. Вырванные из контекста цитаты.

Пример любопытен тем, что исследователи выписывают противоположное из одних и тех же источников. Из «Скучной истории» М.М. Дунаев цитирует знаменитый отрывок об «общей идее» (С., т. 7, с. 307). Дальнейшие рассуждения: «В “Скучной истории” дан... вариант противопоставления двух типов познания бытия: на уровне религиозного опыта и на уровне рациональном. Николай Степанович страдает именно от отсутствия религиозного осмысления своей жизни, но не понимает этого и все тупо цепляется за основу своего собственного бессилия» [17, с. 619–620]. Никакой религиозный опыт в рассуждениях профессора не подразумевается. Дело в том, что цитирует М.М. Дунаев неточно, заменяя чеховского «бога живого человека» на «Бога» (отсутствие здесь прописной буквы — что принципиально для трактовки данного отрывка — можно проверить по прижизненному изданию чеховских сочинений А.Ф. Маркса). Для концепции В.Д. Днепров повесть полезна пассажем о науке: «Испуская последний вздох, я все-таки буду верить, что наука — самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека...» (С., т. 7, с. 263), и именно это объявляется «чеховским символом веры» [6, с. 72]. Реальная позиция профессора из «Скучной истории» намного сложнее.

**3. Неразличение автора и рассказчика.** Иллюстрацией могут служить вышеприведенные интерпретации «Скучной истории», но мы отметим два других примера. М.М. Дунаев цитирует письмо А.П. Чехова об отклике Д.С. Мережковского на рассказ «Святой ночью»: «Мережковский моего монаха, сочинителя акафистов, называет неудачником. Какой же это неудачник? Дай бог всякому так пожить: и в бога верил, и сыт был, и сочинять умел...» (П., т. 3, с. 54). Далее у М.М. Дунаева: «...счастье он [Чехов] воспринимает как полноту жизни на трех уровнях: духовном (“в бога верил”), телесном (“сыт был”) и душевном (“сочинять умел”). В жизни Чехова именно неполнота духовная была его мукой» [17, с. 577–578]. На материале художественных произведений такие выводы делать некорректно. Между тем у М.М. Дунаева это методологическая основа работы: «Чехов...

свидетельствовал о духовных событиях своей жизни системой литературных образов, им созданных. В этом смысле все его произведения есть произведения автобиографические» [17, с. 663]. Именно в этих свидетельствах М.М. Дунаев видит чеховскую религиозность. То же у В.Д. Днепров: «Личность писателя с его деликатностью и непреклонностью всегда присутствует в его художественном слове. Тот, кто не замечает самого Чехова во всем, что он рассказывает... тот еще по-настоящему Чехова не читал». Но, в отличие от М.М. Дунаева, В.Д. Днепров делает иной вывод: «Мыслящие, близкие Чехову герои его рассказов совершенные атеисты или люди, равнодушные к вере и не помнящие о ней» [6, с. 91]. Вопрос в подборе материала: для М.М. Дунаева, например, чеховским *credo* становится рассказ «Святой ночью», для В.Д. Днепров — «Рассказ старшего садовника». Ни о каких репрезентативных подборках (т. е. о доказательности) речи не идет.

Рассмотренные работы Д.Л. Быкова, М.М. Дунаева и В.Д. Днепров являют пример подхода к литературному произведению, который можно охарактеризовать формулой «не чтение, а вычитывание». Эссеист, игнорируя любые культурные контексты, стремится показать, насколько чеховское мировосприятие буквально адекватно современному. Атеист представляет писателя позитивистом фейербаховского толка. Под пером православного исследователя А.П. Чехов превращается в православного писателя. Все это лишний раз подтверждает мысль А.Д. Степанова: «Чеховское зеркало не просто отражает читателя: в нем видны пустоты и утопии того, кто в него смотрит» [18, с. 988].

О неизбежной неполноте читательского восприятия рассуждал В.В. Кожинов: «Едва ли можно в наши дни во всем объеме воспринять гомеровские поэмы, “Слово о полку Игореве”, “Божественную комедию”, творчество Рабле, Шекспира, Сервантеса и даже Пушкина без разнообразных литературоведческих комментариев. Под “комментариями” я разумею отнюдь не только постраничные примечания, но и любое — пусть самое обширное — исследование внешних по отношению к произведению как таковому моментов: отражение в нем

исторической реальности, жизни его создателя, воплотившихся в произведении общих законов литературного творчества, особенностей языка, на базе которого оно создано, и т. п. — словом, всей многослойной “почвы”, на каковой произведение выросло» [19, с. 177].

Исходя из конструктивных предпосылок, В.В. Кожин далее отмечает разницу между «обычным» и «великим» произведением: последнее существует как самобытный организм, первое — будучи картинкой эпохи — в соотношении с воссозданной в нем реальностью [19, с. 189–190]. Такие противопоставления симптоматичны и, видимо, некорректны. И «великие», и «обычные» произведения существуют в неразрывной связи с внетекстовой реальностью. Просто в случае с классикой эта связь нивелируется художественным уровнем произведения, авторитетом автора, богатой историей рецепций и трактовок (в том числе полемических) и т. п. Иначе говоря, сложным синтезом текстовых и внетекстовых элементов.

Наконец, утверждения о созвучии чеховского творчества культурному контексту конца XX — начала XXI в. и ожиданиям современных читателей девальвирует сложная история реальных взаимоотношений писателя с читающей публикой его времени. Есть много свидетельств того, что А.П. Чехов как минимум дважды переживал в жизни чувство потери связи с читателем-современником: в конце 1880-х и в начале 1900-х годов.

Первый случай нашел отражение в переписке с А.С. Сувориным. Приведенные ниже цитаты являются хрестоматийными. 23 декабря 1888 г. А.П. Чехов писал издателю: «Бывают минуты, когда я положительно падаю духом. Для кого и для чего я пишу? Для публики? Но я ее не вижу и в нее верю меньше, чем в домового: она необразованна, дурно воспитана, а ее лучшие элементы недобросовестны и неискренни по отношению к нам. Нужен я этой публике или не нужен, понять я не могу» (П., т. 3, с. 98). Три дня спустя А.П. Чехов пишет: «Приятно думать, что работаешь для публики, конечно, но откуда я знаю, что я работаю именно для публики? Сам я от своей работы, благодаря ее мизерности и кое-чему другому, удовлетворения не чувствую, публика же...

по отношению к нам недобросовестна и неискренна, никогда от нее правды не услышишь и потому не разберешь, нужен я ей или нет» (П., т. 3, с. 104). Не располагая, в силу известных обстоятельств, суворинскими ответами, т. е. не имея возможности полноценно проанализировать дискуссию, ограничимся констатацией факта: сомнения в «адресате» собственного творчества у А.П. Чехова в этот период были.

Второй кризис отмечен в переписке и мемуарных текстах. М. Горький писал В.А. Поссе в ноябре 1901 г. из Крыма: «А.П. Чехов пишет какую-то большую вещь и говорит мне: “Чувствую, что теперь нужно писать не так, не о том, а как-то иначе, о чем-то другом, для кого-то другого, строгого и честного”» [20, с. 794]. О желании А.П. Чехова писать «новое» вспоминал режиссер Е.П. Карпов [20, с. 794–795].

Свидетельства этих новых настроений можно найти и в чеховской переписке. Письмо О.Л. Книппер-Чеховой от 1 марта 1903 г.: «Ты сердисься, что я ничего не пишу тебе о рассказах, вообще о своих писаниях. Но, дуся моя, мне до такой степени надоело все это, что кажется, что и тебе и всем это уже надоело, и что ты только из деликатности говоришь об этом. Кажется, но — что же я поделаю, если кажется?» (П., т. 11, с. 168). Ей же от 23 марта 1903 г.: «Такие рассказы [речь идет о “Невесте”] я уже писал, писал много раз, так что нового ничего не вычитаешь» (П., т. 11, с. 184). Следующее послание ей же от 17 апреля 1903 г.: «...пьеса [“Вишневый сад”] наклеивается помаленьку, только боюсь, тон мой вообще устарел, кажется» (П., т. 11, с. 196). Письмо от 10 ноября 1903 г. В.Л. Кигну-Дедлову: «...скучно здесь в Ялте и чувствую, как мимо меня уходит жизнь и как я не вижу много такого, что, как литератор, должен бы видеть...» (П., т. 11, с. 303).

От первого кризиса писатель избавился благодаря сахалинской поездке. Второй оказался тяжелее, привел к поиску новых тем и трактовок (и частичной их реализации в «Невесте»), но преодолен не был, помешала смерть. Однако нам сейчас важен один аспект: любое произведение художественной литературы — это высказывание и в качестве такового предполагает целевую аудиторию. А.П. Чехов в этом плане ориентирован на читателя-современника.

Иными словами, писал А.П. Чехов не для условных потомков, а для людей своей эпохи, язык которой современному читателю необходимо кропотливо изучать или хотя бы осознать дистанцию между нынешней культурой и культурой «чеховской России».

Л.Е. Бушканец отмечает: «...личный читательский или жизненный опыт воспринимающего может быть настолько далек от писательского, что читатель может навязать тексту совершенно случайную интерпретацию. Отличительной особенностью читателя-современника является общность его психологического и эмоционального опыта и опыта писателя... Читатель последующих эпох, потеряв живую связь с эпохой писателя, начинает воспринимать текст как повод, чтобы высказать миру самого себя, и может при этом волюнтаристски навязать тексту любые смыслы» [13, с. 18]. Здесь уместно вспомнить слова С.М. Бонди, которые в статье «Зачем изучать литературное произведение?» приводит В.В. Кожинов: «...литературовед призван положить руку читателя на пульс произведения» [19, с. 195]. Нередки ситуации, когда читатели и ученые, вникая в произведение, держат руку на собственном пульсе, любые колебания которого кажутся им свойствами текста. Велик соблазн согласиться с Ю.М. Лотманом, утверждавшим, что «художественное произведение находится в обратных связях со средой и видоизменяется под ее влиянием» [12, с. 488]. Но целесообразнее признать обратное: меняется в первую очередь среда, после (и вследствие) чего меняется восприятие текстов, и все трансформации связаны исключительно с реципиентами.

Произведения А.П. Чехова написаны на языке давно ушедшей в прошлое культуры, и вместо того, чтобы навязывать ей нынешние культурные ориентиры, умиляясь «современности» А.П. Чехова (Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и др.), продуктивнее пойти более трудным, но точным путем: постараться выучить и понять язык — в широком смысле этого слова — далекой эпохи: от микроуровней — лексических значений слов (выше рассматривался пример с «пошлостью») до культурных реалий.

Структурной схемой такого рода читательских или научных исследований (и од-

новременно резюме того, о чем мы подробно говорили выше) может служить цитата, взятая эпиграфом к данной работе. С.С. Аверинцевым перечислены все основные факторы, учет которых поможет избежать ложной актуализации [21]. Это, во-первых, отдаленность духовного мира культур прошлого — и буквальная (хронологическая, социокультурная), и ментальная. Также это внутренние законы той или иной культуры — культурные коды, специфические для каждого конкретного этапа. Наконец, бытие каждого «мира» внутри самого себя — ориентация каждой культуры на насущное «сегодня» с его эксклюзивными «проклятыми вопросами», которые не наследуются от отца к сыну, а вызревают и разрешаются на относительно коротких исторических дистанциях. Потому-то А.П. Чехов не ответит на запросы нашей беспокойной современности. Учиться у него в этом плане невозможно, но можно увидеть, на какие вопросы и как именно писатель отвечал «там» и «тогда» — в круговороте идей и чаяний России рубежа XIX–XX веков.

### Список источников

1. *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. Москва : Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
2. *Степанов А.Д.* Вступительное слово на защите докторской диссертации // *Чеховский вестник*. 2005. № 16. С. 27–36.
3. *Пеньковский А.Б.* Об «антипоэтическом характере» Онегина, или Как читать Пушкина // *Исследования поэтического языка пушкинской эпохи*. Москва : Знак, 2012. С. 46–74.
4. *Классика и современность* / под ред. П.А. Николаева, В.Е. Хализева. Москва : МГУ, 1991. 256 с.
5. *Нагибин Ю.М.* Наш современник — Чехов // *Время жить : [сборник]*. Москва : Современник, 1987. С. 308–314.
6. *Днепров В.Д.* С единой точки зрения : литературно-эстетические очерки. Ленинград : Советский писатель, 1989. 376 с.
7. *Белова Л.А.* Антон Чехов — наш современник // *Россияне*. 1995. № 11–12. С. 109.
8. *Канноне С.* Наш современник Антон Чехов // *Прямые инвестиции*. 2010. № 3. С. 100–101.
9. *Халин С.М.* Гоголь — наш современник // *Ценности и смыслы*. 2009. № 2. С. 144–160.



10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1986. 446 с.
11. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Ленинград : Просвещение, 1983. 416 с.
12. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.
13. Бушканец Л.Е. «Он между нами жил...». А.П. Чехов и русское общество конца XIX — начала XX века. Казань : Казанский университет, 2012. 756 с.
14. Быков Д.Л. Два Чехова // Дружба народов. 2010. № 3. С. 189–197.
15. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Санкт-Петербург ; Москва, 1907. Т. 3. 893 с.
16. Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А.П. Чехова / О.В. Кукушкина, Е.В. Суровцева, Л.В. Лапоница, Д.Ю. Рюдигер ; под общ. ред. А.А. Поликарпова. Москва : МАКС Пресс, 2012. 571 с.
17. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. Москва : Издат. совет Рус. православной церкви, 2003. 1056 с.
18. А.П. Чехов: pro et contra / сост. И.Н. Сухих. Санкт-Петербург : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2002. 1072 с.
19. Кожин В.В. Зачем изучать литературное произведение? // Контекст-1973. Москва : Наука, 1974. С. 176–195.
20. А.П. Чехов в воспоминаниях современников [сборник] / [подгот. текста и примеч. Н.И. Гитович, И.В. Федорова]. [Москва] : Гослитиздат, 1960. 834 с.
21. Аверинцев А.А. Похвальное слово филологии // Юность. 1969. № 1. С. 98–102.

---



---

## Whom Did Anton Chekhov Write For? The False and Truth in Classics Actualization

**Viktor S. Zaitsev**

V.I. Dal State Museum of the History of Russian Literature, 17, Building 1, Trubnikovskiy Lane, Moscow, 121069, Russia  
E-mail: vik.zaitsev2014@yandex.ru

**Abstract.** *The representation of classical literature as relevant and adequate to modern ideological demands has long been firmly rooted in both mass and scientific consciousness. How accurate is this representation? May modern interpreters impose on classical works those meanings that they objectively do not contain? Negative answers to the questions posed are methodologically productive. Scientific interpretation assumes awareness of the socio-cultural and linguistic distance between the researcher and the object of study. A consequence of this distance's violation is false actualization analyzed in the article, which leads to aberrations of perception and analysis of classical literature texts in general and Chekhov's heritage (considered as indicative illustrative material) in particular. Actualization is a kind of preliminary concept that pre-*

*cedes the text interpretation. The analysis of Chekhov's worldview and works interpretations (carried out by M.M. Dunaev, V.D. Dneprov, D.L. Bykov) demonstrates the inadequacy of the results of such interpretations. Characteristically, M.M. Dunaev and V.D. Dneprov, proving diametrically opposite points of view (concerning Orthodox and atheistic character of Chekhov's works) operate with a similar set of scientifically incorrect assumptions: quotes taken out of the context, nondistinction of the author and the narrator, etc. Moreover, the complex history of the writer's real relationship with the reading public of his time is discordant with the statements about the harmony of Chekhov's creativity with the cultural context of the late 20th — early 21st century. There is a lot of evidence that Chekhov experienced, at least twice in his life, a sense of loss of connection with his contemporary readers. This is confirmed by letters and memoirs of eyewitnesses of the relevant periods (late 1880s and early 1900s). The crises indicate that the writer consciously focused on the needs of his contemporary readers. A.P. Chekhov wrote for the people of the era the language of which needs to be studied by modern readers and interpreters. This is the only condition for the adequacy of interpretations, non-compliance with which leads to the erroneous actualization of classical heritage.*

**Key words:** A.P. Chekhov, reception, classical literature, interpretation, false actualization.

**Citation:** Zaitsev V.S. Whom Did Anton Chekhov Write For? The False and Truth in Classics Actualization, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 4, pp. 502–511. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-502-511.

## References

1. Gasparov M.L. *Zapisi i vypiski* [Notes and Excerpts]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2001, 416 p.
2. Stepanov A.D. Opening Speech at the Defense of Doctoral Dissertation, *Chekhovskii vestnik* [Chekhov Bulletin], 2005, no. 16, pp. 27–36 (in Russ.).
3. Penkovsky A.B. On the “Anti-Poetical Nature” of Onegin, or How to Read Pushkin, *Issledovaniya poeticheskogo yazyka pushkinskoi epokhi* [Studies of the Poetic Language of Pushkin’s Epoch]. Moscow, Znak Publ., 2012, pp. 46–74 (in Russ.).
4. Nikolaev P.A., Khalizev V.E. (eds). *Klassika i sovremennost’* [Classics and Modernity]. Moscow, MGU Publ., 1991, 256 p.
5. Nagibin Yu.M. Our Contemporary — Chekhov, *Vremya zhit’* [Time to Live]. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, pp. 308–314 (in Russ.).
6. Dneprov V.D. *S edinoi tochki zreniya: literaturno-esteticheskie ocherki* [From a Single Point of View: Literary and Aesthetic Essays]. Leningrad, Sovetskii Pisatel’ Publ., 1989, 376 p. (in Russ.).
7. Belova L.A. Anton Chekhov — Our Contemporary, *Rossiyanе* [Russians], 1995, no. 11–12, p. 109 (in Russ.).
8. Kannone S. Our Contemporary Anton Chekhov, *Pryamyie investitsii* [Direct Investments], 2010, no. 3, pp. 100–101 (in Russ.).
9. Khalin S.M. Gogol — Our Contemporary, *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings], 2009, no. 2, pp. 144–160 (in Russ.).
10. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Art]. Moscow, Iskustvo Publ., 1986, 446 p.
11. Lotman Yu.M. Roman A.S. Pushkina “Evgenii Onegin”. *Kommentarii* [Eugene Onegin by Alexander Pushkin. A Comment]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1983, 416 p.
12. Lotman Yu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta* [The Structure of Artistic Text. Poetic Text Analysis]. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2016, 704 p.
13. Bushkanets L.E. “On mezhdru nami zhil...” A.P. Chekhov i russkoe obshchestvo kontsa XIX — nachala XX veka [“He Lived among Us...” A.P. Chekhov and the Russian Society of the Late 19th — Early 20th Century]. Kazan, Kazanskii Universitet Publ., 2012, 756 p.
14. Bykov D.L. Two Chekhovs, *Druzhiba narodov* [Peoples’ Friendship], 2010, no. 3, pp. 189–197 (in Russ.).
15. Dal V.I. *Tolkovyi slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. St. Petersburg, Moscow, 1907, vol. 3, 893 p.
16. Polikarpov A.A. (ed.) *Chastotnyi grammatiko-semanticheskii slovar’ yazyka khudozhestvennykh proizvedenii A.P. Chekhova* [Frequency Grammatical-Semantic Dictionary of the Language of Literary Works of A.P. Chekhov]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2012, 571 p.
17. Dunaev M.M. *Vera v gornile somnenii* [Faith in the Crucible of Doubt]. Moscow, Izdat. Sovet Rus. Pravoslavnoi Tserkvi Publ., 2003, 1056 p.
18. Sukhikh I.N. (ed.) *A.P. Chekhov: pro et contra*. St. Petersburg, Russkogo Khristianskogo Gumanitarnogo Instituta Publ., 2002, 1072 p. (in Russ.).
19. Kozhinov V.V. Why Should We Study a Literary Work? *Kontekst-1973* [Context-1973]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 176–195 (in Russ.).
20. *A.P. Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov* [A.P. Chekhov in Memoirs of his Contemporaries], Goslitizdat Publ., 1960, 834 p.
21. Averintsev A.A. A Laudable Word of Philology, *Yunost’* [Youth], 1969, no. 1, pp. 98–102 (in Russ.).